

С тех пор, как взошло чёрное солнце, повседневная жизнь людей изменилась.

Каждый цикл они жили в страхе, а когда опускалась тьма, приходили монстры, сея отчаяние и безысходность.

Те, кто знал правду этого мира, хранили молчание, боясь ещё большего отчаяния, но результат оказался плачевным.

Люди начали выбирать смерть вместо мучительной жизни.

Даже самые смелые и стойкие не были исключением.

Наоборот, именно из-за своей смелости они чаще всего обращали клинок против себя.

Берил был как раз таким случаем.

Грохот.

Чёрное солнце повисло в небе, и мир погрузился в тьму, кишашую порождениями тьмы.

Никто из загнанных в тесное убежище в поисках пропитания, не желал себе такой участи.

Грохот.

Треск.

Хлипкая деревянная дверь уже начала поддаваться.

— Нет, дверь сейчас разлетится!

— Берил, скорее!

Вместе с ним находились его товарищи, Петер и Герон. Их глаза горели отчаянием.

Зачем он вообще схватился за меч?

Берил одернул себя, пытаясь отвлечься от суровой реальности.

За этой деревянной дверью толпились упыри.

Но острое меча Берила было направлено не на них, а на маленького ребёнка, который съёжился в углу, дрожа от страха.

— Па... папочка.

— ...

Рычание. Хрип. Скрежет.

Сквозь шум доносились предсмертные стоны монстров.

Полные ярости крики мужчин тоже пугали.

Но по-настоящему ребёнка пугал его собственный отец, сжимавший клинок в темноте.

— Возьми себя в руки, умоляю! Сейчас пробьют! Мы не сдержим их!

Пыльный склад продуктов в крепости.

Здесь не осталось ничего, кроме испорченных продуктов и единственного входа.

Даже в маленькое вентиляционное окно виднелось лишь небо, затянутое чёрным солнцем. Упыри вот-вот ворвутся внутрь, и Берил знал, что ему нужно делать.

Он знал, как использовать меч в своих руках.

И всё же он просто стоял, не в силах пошевелиться.

И только тогда ребёнок впервые увидел слабость своего отца.

Рука, сжимавшая меч, дрожала.

— Берил, избавь Дена от мучений!

Если умереть до того, как упырь вонзит свои зубы, то превращение не произойдёт.

Это был отчаянный поступок, призванный подарить покой.

Петер и Герон, оба изо всех сил сражались в этой безнадёжной ситуации, чтобы не дать ребёнку превратиться в упыря.

Мерцающий свет фонаря метался из стороны в сторону, отчаянно цепляясь за жизнь.

Тени, словно злорадные демоны, плясали в неверном свете, кружа вокруг.

«Я не могу оставить его одного среди этих теней.»

Стон. Ворчание. Хрип.

Слышались предсмертные хрипы упырей.

Медлить больше было нельзя. В тот момент, когда Берил стиснул зубы и поднял меч...

— !..

Свет фонаря отразился от лезвия, осветив всё вокруг.

На лице Дена, дрожащего от страха, читалось понимание.

С недетской серьёзностью и печалью в глазах он смотрел на дрожащую руку своего отца. И тут, в маленьком вентиляционном окне, произошло нечто неожиданное.

Вспышка.

Яркая вспышка на мгновение озарила тёмный склад.

Свет был настолько сильным, что на мгновение разогнал все тени.

— Чт... что это было?

Это не было галлюцинацией.

Петер и Герон, ослеплённые внезапным светом, плакали.

Хотя им было больно даже смотреть из-за яркой вспышки, они не могли оторвать взгляда от окна. Только Берил, оставшись свободным, смог подойти к окну.

Взглянув на небо, он невольно сжал кулаки.

Напротив заходящего чёрного солнца...

Сквозь плотную, непроглядную тьму пробивалась звезда.

Свет был слабым и размытым, но Берил не сомневался.

— Это звёздный свет. Взошла звезда.

— Звезда?

— Она сияет даже сквозь тьму. Как будто...

Кто-то представил бы маяк посреди бушующего моря.

Но Берил, увидев эту звезду, подумал о вестнике.

Вестнике, который, преодолев все невзгоды, прибыл, чтобы сообщить о скором закате чёрного солнца.

Звезда-вестница.

Звёздный свет, подобно гонцу, несущему весть, пробивался сквозь тьму и невзгоды.

Увидев звезду, Берил принял новое решение и оглядел Дена и комнату.

— Берил, что ты делаешь?!

— Скоро чёрное солнце сядет. Звезда показала мне это. Закат чёрного солнца.

В этой комнате не было места, где мог бы спрятаться взрослый мужчина.

Но внезапная вспышка света и клинок в руке Берила указал на одно место.

Среди бочек с прокисшим вином. Места было достаточно, чтобы спрятать ребёнка.

Берил поднял Дена, сидевшего на полу, и отнёс его туда.

— Ден.

— Па... папочка.

Берил опустил руку в лужу пролившегося уксуса.

И этой рукой взъерошил волосы Дена.

— Ты должен выжить.

Когда Берил подошёл к двери, Петер и Герон посмотрели на него с нечитаемыми выражениями на лицах.

— Ты пожалеешь об этом.

— А может, и вздохну с облегчением.

Грохот.

Треск.

Берил бросился в образовавшуюся щель в двери.

Благодаря совместным усилиям троих мужчин им удалось выиграть немного времени, но это было лишь каплей в море.

— Эх, этот Ден... Говорили, он ловко управлялся с топором. Смышлёный мальчуган был.

Герон, до этого поглощённый удержанием двери, впервые огляделся.

Дена уже не было видно, но Герон всё равно обратился к нему, будто тот всё ещё был здесь.

— Чёрт... Да он бы до рубки леса дожил, не меньше.

— Ден был терпеливым малым. Говорили, он мог часами рыбачить.

В тот момент, когда Петер закончил свою фразу...

Треск. Хруст.

Дверь, не выдержав напора, начала разваливаться на части.

Скрежет. Рычание.

В образовавшуюся щель протискивались упыри, скаля окровавленные клыки и хрипя.

Герон выхватил топор, висевший у него на поясе, Петер — утыканную гвоздями дубинку. Оба понимали, что это конец.

Как и Берил.

Пусть звезда-вестница донесёт весть об этом мальчишке до всех и каждого.

Стиснув зубы, Берил направил острие меча в щель разбитой двери.

* * *

Чёрное солнце было неумолимо.

Оно уничтожило не только густонаселённые города, но и все, где ступала нога человека.

Именно это чувство охватило меня, когда мы достигли деревни, расположенной неподалёку от разрушенного города Катабрии.

Пшеничные поля, высохшие и погибшие, утопающие в гнилых зёрнах. Зловеще заброшенная,

обугленная ветряная мельница.

И повсюду разбросанные куски плоти, пятна крови.

— Ох, боже! И ведь говорил, что ни за что не бросит землю своих предков!

Должно быть, кто-то из местных решил остаться, отказываясь покидать родные места, и поплатился за это.

Судя по следам борьбы и бойни, надеяться на то, что кто-то выжил, было бессмысленно.

Было очевидно, какая участь их постигла.

Не найдя тел, Бартол быстро сделал вывод:

— Похоже, все они стали упырями.

Он был прав.

Мать Мертворождённых — демон, одержимый идеей создания упырей.

Как и в клишированных фильмах про зомби, убитые упырями воскресали в виде себе подобных, что говорило о многом. Мать Мертворождённых, как ни крути, больше всех демонов ценила людей.

Просто... у неё были своеобразные предпочтения, и живые её не интересовали.

Я не смог скрыть своего беспокойства, осматриваясь по сторонам.

— Засад нет. Похоже, здесь было недостаточно врагов, чтобы отвлечь моё внимание или сражаться в открытую.

Может, они отступили, узнав о нашем приближении? Или покинули это место уже давно?

Оба варианта были вполне вероятны.

Конечно, я знал о пристрастиях Матери Мертворождённых.

Скорее всего, она уже отправилась создавать новых упырей.

Венн, в отличие от меня, придерживалась другого мнения.

— Здесь может быть яд, или вражеские разведчики! Даже если здесь кто-то и жил, не входите в дома без крайней необходимости!

Она кричала громче обычного, стараясь достучаться до каждого.

Нельзя сказать, что это было напрасно.

Люди должны уметь защитить себя, пусть даже на самом базовом уровне.

Она была рыцарем и использовала свой опыт, чтобы организовать наш отряд, и я не мог ей в этом препятствовать.

Судя по тому, как вздрогнул Бартол, услышав её грозный голос, он не понаслышке знал,

каково это — быть под её командованием.

— Она всегда была такой.

— Какой?

— Потрясающей женщиной.

Его мысли и слова не совпадали.

Оказалось, Венн, которая до этого раздавала всем указания, теперь, как ни в чем не бывало прислушивалась к разговору.

Бартол тем временем прикрыл глаза, делая вид, что обдумывает увиденное.

Что ни говори, а подкаблучник.

Покачав головой, я подошёл к Венн.

Спускаясь с небес.

— Творец Звезд...

— Похоже, ты уже привыкла ко мне. Даже заикаться перестала.

— ...Стараюсь как могу.

Интересно, что она сейчас чувствует? Я с любопытством посмотрел на неё.

И тут меня охватило странное ощущение, похожее на вкус леденца «звёздный дождь», только не вкусовое, а тактильное — будто во рту лопаются крошечные пузырьки.

Похоже... Вот так чувствует себя капрал, встретивший своего сержанта.

Раньше я как-то не задумывался об этом, но не думал, что ощущения будут не вкусовыми, а тактильными.

Неужели Венн всё это время испытывала такой стресс?

Я решил как можно скорее передать ей всё необходимое и удалиться.

— Ты проявила бдительность, осматривая окрестности. К счастью, поблизости нет врагов. Думаю, нам стоит сделать здесь привал и закончить приготовления.

— Как пожелаете.

В тот момент, когда Венн ответила, положив руку на грудь...

Люди, до этого напряжённо слушавшие наш разговор, начали неловко снимать свои пожитки.

* * *

— Как давно это было... Когда я в последний раз бродил среди деревьев?

Это был Ад, который вызвался вести людей.

Уроженец Сантиома, города, где процветала лесная промышленность, Ад вызвался собрать всё съедобное в округе.

Я знал, что им движет чувство вины, поэтому убедил Венн отпустить его.

К тому же, нам нужно было пополнить запасы продовольствия.

Дети, которых обычно оберегали взрослые, с радостью отправились в лес вместе с Адом.

Конечно, я не отправлял их неподготовленными.

- Защитное чудо, Хвост кометы.

- Дарующее чудо, Стабильность.

Я распространил своё влияние на весь лес, чтобы предотвратить возможное нападение упырей.

И даровал всем спокойствие, чтобы в случае опасности люди не поддались панике.

А ещё я переносил вещи своей золотой рукой, если это требовалось...

Давно я не использовал свои силы не для сражений, а для чего-то подобного.

— Тащите ветки сюда! Они сгодятся для костра!

— А из этой можно сделать копье. Давайте её сюда, я её обстругаю.

Люди находили применение всему, что я приносил.

Сбор древесины проходил на удивление гладко.

Благодаря моей золотой руке я легко ломал деревья и переносил брёвна.

Заброшенная деревня постепенно превращалась во временное пристанище, где люди расстилали одеяла для отдыха.

Это зрелище... Я обожал подобное.

«Последняя комета» была игрой, где сражения были важны, но не являлись залогом победы.

Некоторым нравились напряжённые битвы, но многие находили удовольствие в создании максимально эффективных и эстетически приятных поселений.

Я принадлежал ко второй категории.

Сражения — это, конечно, хорошо, но ничто не сравнится с удовольствием наблюдать за тем, как люди трудятся вместе, создавая что-то новое.

Правда, чтобы мы не расслаблялись, в игре время от времени происходили события, напоминающие о том, что это не градостроительный симулятор.

— Аааааа!!

Я тут же повернулся в сторону леса, откуда донёсся крик.

<http://tl.rulate.ru/book/117280/4668971>